

Веньян шёл на поправку быстро. Уже на следующий день рана в груди затянулась яркими красными рубцами, тонкими и блестящими как выползшие из земли дождевые черви по весне. Была ли тому причиной волшебная трава, энергия мастера или всё вместе взятое? Да и было ли это важным? Веньян провёл пальцами по бугристым шрамам — боли не было — лишь фантомный отголосок горьких воспоминаний. За окном золотом разливался солнечный день, глухо стучал топор, разрывая сухие поленья в щепки — сердце ударилось в грудь, уже не заполошно, но мягко и спокойно, словно напоминая — я здесь, я живое, и мы будем в порядке. Веньян улыбнулся и, поднявшись, поспешил выйти на улицу.

Топор, которым орудовал Ху Шень, был старым, местами ржавым, но со своей задачей справлялся. Веньян присел на пороге, привалившись виском к дверному косяку и стал наблюдать. Сколько лет было Ху Шеню? Сотни? Десятки сотен? Он не выглядел ни молодо, ни старо — хорошо сложен; каждое движение чёткое, выверенное; взгляд ясный, хоть и подёрнутый поволокой былых потерь и терзаний; жёсткие чёрные волосы с проблесками снежной седины и впрямь делали его похожим на тигра — благородного, но опасного. Веньян усмехнулся этой мысли. Он провёл с Ху Шенем бок о бок всю свою жизнь, но что, в действительности, он знал о нём? Тёмный заклинатель, лишившийся всего; вынужденный влачить существование в одиночестве в месте, превратившимся в умах людей в воплощение ада на земле; гнусный предатель, пошедший против всего мира ради собственных амбиций. Насколько тяжела должна быть эта ноша? И отчего же Ху Шень никогда не таил своего тёмного прошлого от Веньяна?

«Терпение — добродетель».

Всплыли в памяти его слова, и Веньян снова усмехнулся, в который раз отмахиваясь от роящихся в голове вопросов. Нарубленные дрова хаотично валялись на земле и он решил занять чем-то полезным хотя бы руки.

— Разве ты не должен отдыхать и восстанавливать силы? — С усмешкой спросил Ху Шень, когда Веньян, присев на колени, принялся складывать дрова в аккуратную кучку. Закатанные рукава его нижней рубахи обнажали сильные руки со следами давно заживших, побелевших, шрамов. Веньян, не удержавшись, скользнул по ним взглядом, но быстро отвернулся, не желая быть пойманным за разглядыванием. Он видел их так много раз, но почему-то именно сейчас они волновали его иначе, чем праздное любопытство.

— Я вполне хорошо себя чувствую. Спасибо вам за это.

Ху Шень тяжело вздохнул, одним махом вогнав топор лезвием в пень. Веньян вздрогнул от неожиданности и поднял глаза. Как бы то ни было, он чувствовал вину за произошедшее и за собственную безрассудность. Но, уже приготовившись оправдываться, он так и замер, встретив направленный на себя взгляд. Усталый, полный глубокого переживания и странной неуверенности. Глаза Ху Шеня никогда не смотрели на него так, и это ощущалось как первая осенняя изморозь — неуютно и неожиданно.

— Твоя опрометчивость может дорого обойтись нам всем, — сказал он, присаживаясь и забирая из рук Веньяна сложенную стопку дров. — Отдыхай сегодня. Завтра мы поднимемся на

гору — нужно пополнить запасы.

Веньян замер. После последней фразы над Ху Шенем словно тучи сгустились. Напряглись жилы на руках, сжалась в напряжении челюсть.

— Я могу помочь, мастер...— Веньян мягко коснулся плеча, хотя хотелось провести пальцами по шрамам на предплечье, —...мне не сл...

— Без тебя справлюсь.

На самом деле, Веньян не мог помочь. Не с тем, что на самом деле гложило Ху Шеня. И хотя осознавать это было больно, его боль — лишь мимолётная вспышка в сравнении с сотнями лет чужого одиночества и скорби былых утрат.

***

Вершина горы Бейшан всегда утопала в густых кучевых облаках — чёрный шпиль, укутанный дымным туманом, плотным настолько, что впору отрезать кусок острым мечом. Прошли сотни лет с момента, как Ху Шень впервые взошёл на неё, но узкие извилистые тропы не так уж сильно изменились с тех пор — размылись холодными северными дождями, раскололись под камнепадами, но всё ещё тянулись змеиными кольцами к самой вершине — незыблемые, хранимые древней энергией. Ху Шень обернулся через плечо — Веньян шёл уверенно, с излишней сосредоточенностью. Забавно, подумал Ху Шень, ему самому было немногим больше, когда его жизнь совершила кульбит. Молодой, амбициозный, вопреки расхожему мнению, его никогда не интересовало ни мировое господство, ни тирания простого народа. Его методы были спорными, часто аморальными, но служили они благой цели.

Рождённый в семье охотника, в детстве Ху Шень не обладал ни выдающимися талантами, ни крепким здоровьем. Север всегда был суровым краем — голодным и жестоким — многие не выдерживали такой жизни, и мать Ху Шеня не стала исключением, рано покинув этот мир. Отец, суровый мужчина, преисполненный жестокости, не питал тёплых чувств к болезному слабому ребёнку, даром, что родному сыну. Терпя нескончаемые упрёки и оплеухи, Ху Шень рос не воином, но мечтателем, зачитывая до дыр старые книжки со сказками и легендами, которые так любила его матушка. Однажды, выпив, отец так на него за это взбеленился, что швырнул одну из книг в кухонную печь.

— Не сын, а наказание! — Выплюнул он, перекрикивая горькие детские рыдания. — Твои ровесники стрелой попадают белке в глаз, а ты всё в облаках витаешь.

На красочном развороте огонь поглощал изображение благородного белого тигра — любимая история Ху Шеня. По легенде, непроходимые, тёмные как сама ночь, северные леса охранял тигр, огромное, древнее как само мироздание, существо со шкурой белой как снег с угольно-чёрными полосами; клыки и когти крепче стального клинка; глаза — два кровавых рубина; жесток и беспощаден к тем, чьи души пленила тьма, милостив — ежели сердце доброе. Поговаривали, что заплутавший в лесу никогда более не собьётся с пути, если Бай Ху[1]

подарит ему своё благословение и укажет правильную дорогу. Ху Шень мечтал о встрече с ним — он был всего лишь ребёнком, но уже так заплутал.

В тот день стоял крепкий мороз — ничего необычного для суровой северной зимы. Маленькие снежинки тонким кружевом укрывали потёртый овечий полушубок и каждый шаг отдавался звонким хрустом. Ху Шень зарылся покрасневшим носом в пропахший вчерашним пригоревшим ужином шарф. Ему было примерно двенадцать, но крепким здоровьем он, по-прежнему, не отличался. Ху Шень любил такую погоду — волшебное сияние кристально-белого снега до самого горизонта так, что и не отличить, где начинается небо; морозные узоры на чёрных стволах хвойных деревьев; и пар, словно маленькое облачко, вырывается изо рта. Завтра он сляжет с лихорадкой, и отец будет ругаться, на чём свет стоит, но сегодня он не может отказать себе в удовольствии просто сбежать из дома и побродить по окрестностям.

Лес, густой, тёмный, непроходимый, всегда пугал Ху Шеня. Отец редко брал слабого ребёнка с собой, да и тот не проявлял к охоте должного интереса, а потому Ху Шень плохо ориентировался в извилистых тропах. Но покойная матушка любила лес, так часто рассказывая о нём волшебные сказки, что Ху Шень, не задумываясь, забрёл в самую чащу. Солнечный свет едва пробивался сквозь заснеженные деревья, следы замело. Страх морозными тисками обхватил горло, забрался в самые лёгкие. Пальцы в тонких рукавицах задеревенели и Ху Шень отчаянно пытался согреть их дыханием — помогало слабо, но выбирать не приходилось. Оглядываясь назад, Ху Шень бы назвал именно этот момент самым тоскливым в своей жизни. Не ужасным, не страшным — именно тоскливым — тщедушный ребёнок, приютившийся на замёрзшем стволе поваленного дерева среди холодной бесконечности, заплутавший и никому не нужный, он не мог даже заплакать — щёки вмиг покрывала колючая ледяная корка. Он мог бы умереть в тот день, и тело бы замело снегом. Лесные хищники растащили бы его на многие ли, повезло бы, если по весне кто-нибудь нашёл останки. Если бы он умер в тот день, остался бы жив тот, кого он меньше всего хотел погубить?

Последние солнечные лучи растаяли в заволоченном тучами небе и лес, и без того тёмный, стал совсем зловещим — кривые тени изломанных стволов, хруст ломающихся под тяжестью снега веток. Умереть на морозе — не худшая смерть, подумал тогда Ху Шень. Холод забрался так глубоко, что, казалось, вся кровь обратилась в лёд и устремилась к маленькому, беззащитному сердцу острыми иглами и осколками. Веки потяжелели и взгляд заволочило сизым сонным туманом. Ху Шень так замёрз, что холод больше не был ему враждебен — он стал похож на объятия покойной матушки — родные, заботливые. Тяжёлый снег, как тёплое одеяло. Сквозящий между стволами ветер — мягкая колыбельная — «засыпай, а-Шень...засыпай и ничего не бойся».

Вдалеке послышался жалобный вой и Ху Шень встрепенулся. Как бы ни были сладки манящие объятия, он, конечно, не хотел умирать. Нервно облизнув нижнюю губу, он почувствовал солоноватый привкус крови — тонкая кожа глубоко треснула на морозе — это немного привело его в чувства. Вой послышался снова, но в бесконечном лесу эхо его доносилось будто бы отовсюду. Гулкий, протяжный, смешанный с рыком — он не был устрашающим, скорее отчаянным, умоляющим. Так — горько плачет ребёнок в минуты болезненной неудачи, раздирающей изнутри обиды — Ху Шень хорошо его знал, он сам плакал так много раз. Казалось, эхо вело его ещё дальше, в совсем непроходимую чащу, но, к удивлению, жалобный звериный плач вывел его на опушку — совсем небольшую, но деревья немного расступались и холодный свет первых звёзд серебрил ещё не успевший примяться, пушистый снег. На первый

взгляд опушка казалась пустой, но присмотревшись внимательнее, на самой её кромке Ху Шень заметил шевеление. В темноте сложно было разобрать — скорее всего, какой-то зверь попал в охотничий капкан. Ху Шень никогда не проявлял должного интереса к охоте, но даже он знал, что раненый, загнанный в угол зверь, мог быть в разы опаснее разъярённого и свободного. Аккуратно подойдя ближе, Ху Шень замер.

Пойманным в ловушку оказался белый тигрёнок. Ху Шень видел их только на рисунках в так ненавистных отцу книжках, но даже так зверь выглядел довольно крупным. Завидев человека, он оскалится и зашипел. Усы и морда запачкались кровью от раненной лапы, полосатый хвост беспокойно метался по рыхлому снегу, налипающему на шерсть крупными ошмётками. Разжать капкан — дело нехитрое, но как при этом самому не лишиться руки? Зверь продолжал яростно шипеть и скалиться, дёргая зажатую лапу. Кровь крупными рубиновыми каплями пропитывала снег — пахло железом и мокрой шкурой.

— Позволь мне помочь, — почти жалобно заговорил Ху Шень, голос от долгого пребывания на морозе захрустел, надломился. Выставив перед собой руки, он заглянул в звериные глаза, злые, блестящие от влаги, и шутка ли — казалось, будто в них промелькнула тень понимания. Зверь затих, пока маленький человек опускался перед ним на колени.

Капкан был старым, местами заржавевшим. Разжать его, действительно, было делом нехитрым, но у Ху Шеня настолько задеревенели пальцы от холода, что они едва его слушались. Тигр больше не шипел, лишь наблюдал и утробно рычал, прижав к голове уши. Ху Шеня бросило в жар, спина покрылась испариной — на морозе это было сравнимо с пыткой — всё тело прошила крупная дрожь, в висках пульсировало от страха и усталости, но он старался. Старался со всем отчаянием ребёнка с большим, добрым сердцем. И вот, когда острые зубья, наконец, начали поддаваться; когда цель казалась так близка, тишину ночного воздуха вспорол свист летящей стрелы. Пальцы соскользнули и капкан снова вошёл в раненую плоть с противным чавкающим звуком.

В смещении болезненного воя и злобного рыка затерялся хриплый крик самого Ху Шеня. Тигриные когти вспороли старый полушубок, глубоко разодрали тонкую кожу предплечья и кровь горячими ручьями хлынула на снег. Рука горела огнём, пульсировала, глаза заволокло слезами. Стрела, пролетевшая так неожиданно, вошла в рассохшийся ствол вековой сосны прямо над головой Ху Шеня.

— Отойди, Шень!

Голос, пробирающий до самых костей не хуже лютого мороза. Голос отца. Ху Шень зажал рану на руке, но кровь всё бежала, пачкая всё вокруг. Отец стоял на другом конце опушки, натянув тетиву. Воткнутый в ближайший сугроб факел, отбрасывая тени, делал его и без того злое лицо почти демоническим. Отец был хорошим охотником — не стоило сомневаться, что стрела, направленная прямо на зверя найдёт свою цель.

Кровь всё бежала, не оставляясь даже на морозе — настолько глубоки были раны. Ху Шень уже едва ли чувствовал руку.

— Нет! Отец, не надо! — Закричал он, бросаясь вперёд, закрывая пойманного в капкан заеря. Крик вышел истошным, надрывным, что содрогнулись хвойные ветви вековых деревьев.

Стрела на тетиве опасно дрогнула.

— Мать совсем заморочила тебе голову своими сказками! Кому говорю, отойди, несносный ты мальчишка!

Ху Шень плакал и, казалось, из глаз катились не слёзы, а колючие осколки льда, падая на снег, пропитанный кровью. Кровью раненого зверя. Кровью раненого ребёнка. Кто теперь отличит? В конце концов кровь у всех одинаково красная.

Тени от горящего факела неистово плясали уродливыми демонами и в этом безумном танце Ху Шень увидел его. Шкура белая как снег с угольно-чёрными полосками; глаза — кровавые рубины. Огромный зверь, древний как само мироздание. Клыки и когти острее стального клинка.

Кровь, густая, чёрная в ночи, хлынула неудержимым водопадом на искрящийся в свете звёзд снег. Несколько капель, попав в пламя горящего факела, зашипели, взметнулись искры. Стрела, сорвавшись с тетивы, чудом не угодила прямо в Ху Шеня, врезавшись в землю совсем рядом с коленом. Хруст ломаемых костей, разрываемой плоти был таким громким, что на мгновение Ху Шень оглох. Шок от увиденного настолько парализовал его, что даже дыхание замерло. Тело отца, изломанное, изуродованное лежало на земле бесформенной кучей в луже горячей крови. Ху Шень не хотел смотреть, но и взгляда отвести не мог.

За спиной послышался лязг металла. Клыки и когти острее стального клинка.

Капкан разбился.

И вместе с ним разбилась и жизнь Ху Шеня.

Белый тигр — Бай Ху — зверь из сказок его покойной матушки стоял перед ним.

Шершавый язык прошёлся по разодранной руке и боль отступила. Ху Шень моргнул, медленно приходя в себя. В глубине души он надеялся, что всё произошедшее окажется сном, что сейчас он очнётся, пожираемый лихорадкой, что отец будет рядом — смотреть с укором и бесконечным разочарованием. Но он не проснулся. Смертельный смрад растерзанного тела всё ещё обжигал лёгкие, раны на руке не исчезли, стрела по-прежнему воткнута в землю.

Кровавые звериные следы цепочкой уходили во тьму непроходимой чащи, мелькнул кончик полосатого хвоста.

В тот день Ху Шень не вернулся в родную деревню. Едва сознание вернулось к нему, он

побежал. Не оборачиваясь, не думая, не останавливаясь. Он бежал, пока рассвет не забрезжил на горизонте. Бежал, пока пожар не загорелся в груди, а ноги окончательно не занемели. Он не знал, куда он бежит — отчего-то или навстречу чему-то, но лес, вдруг, закончился.

И когда бежать уже не было сил, он встретил человека. Высокий, молодой, он не был похож на местного — меч с золотым эфесом, медь волос, огнём горящая в лучах рассветного солнца, глаза, что драгоценный янтарь.

С тех пор Ху Шень обрёл силу.

С тех пор Ху Шень не сбивался с пути.

Комментарии и примечания:

[1] Бай Ху — Белый тигр/Белая тигрица — согласно китайской мифологии, зверь-покровитель Запада. Но в данном тексте я позволяю себе вольность и делаю его зверем-покровителем Севера. Бай-ху считался благовещим животным, которое, не смотря на свирепый нрав, не трогает людей и других тварей.

Гадатели и прорицатели считали появление Бай-ху признаком «гуманного правления». Так, в частично сохранившемся у Ма Го-ханя 馬高漢 (1794-1857) в «Юйхань шань фан цзи и шу» 御覽善方集 («Восстановленные книги из Жилища в горах Юйхань») трактате Сунь Жоу-чжи 孫周濟 (VI в.) «Сунь-ши жуй ин ту» 孫氏遺音圖 («Иллюстрации благовещих знамений господина Суня») сказано: «Белая тигрица гуманна и безвредна. Когда государь (ван) [распространяет] не насилие и жестокость, а безграничную милость, тогда она появляется». Собственно, отчасти здесь отыгран подобный эпизод — Ху Шень проявляет милость в борьбе с жестокостью и получает вознаграждение.

вообще здесь стоит вызвать небольшую пояснительную бригаду, если вдруг вы решите до меня доковыряться ☐ Согласно мифологии, именно Ху Шень — тигриный бог — считался тем духом, который мог указать дорогу заплутавшим путникам. В данном тексте я намеренно лишаю его этого права. Это не ошибка и не неточность — так задумано ☐

<http://bllate.org/book/14934/1323648>